

Примечания

- ¹ См.: Семенова М.Ю. Типы сверхслабой аллитерации в карело-финских калевальских рунах // Вест. Челяб. Госун-та / Сер. Филология. Искусствоведение. 2008. Вып.22.С. 121–126.
- ² См.: Куторов Н.И. Благозвучие в марийских народных песнях // Вопросы финно-угроведения. Саранск, 1975. Вып. VI. С. 327–332; Учаев З.В. Сылнымутыш корно. Йошкар-Ола, 1992.
- ³ Куторов Н.И. Указ. соч.
- ⁴ Марий кумалтыш мут / Сост. Н.С. Попов. Йошкар-Ола, 1991.
- ⁵ Иванов Г.В. Кечылан шыргыжам. Йошкар-Ола, 1992.
- ⁶ Евсеев Т.Е. Калык ойпого. Йошкар-Ола, 1994.

- ⁷ Там же.
- ⁸ Марий кумалтыш мут.
- ⁹ Пензиков Н.Т. Сопоставительная грамматика русского и марийского языков. Йошкар-Ола, 1958. Ч. 1; Евсеев Т.Е. Указ. соч.
- ¹⁰ Марий кумалтыш мут.
- ¹¹ Евсеев Т.Е. Указ. соч.
- ¹² Мурзаиев А. Эрвел марийын кумалтыш мутшо // Ончыко.1990. № 6. С. 61–68.
- ¹³ Марий кумалтыш мут.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Евсеев Т.Е. Указ. соч.
- ¹⁶ Мурзаиев А. Указ. соч. С. 61.
- ¹⁷ Евсеев Т.Е. Указ. соч.
- ¹⁸ Марий кумалтыш мут.

УДК 811.161.1:34+811.111:34

О РЕЧЕВОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ СУДЬИ И ДОПРАШИВАЕМОГО В ХОДЕ СУДЕБНОГО ДОПРОСА

Т.В. Дубровская

Пензенский филиал Международного независимого эколого-политологического университета
E-mail: dubrovskaya@sura.ru

В статье автор исследует судебный дискурс, а именно особенности речевого взаимодействия между судьей и допрашиваемым в ходе судебного допроса. Автор выделяет три типа тактик в речи русских и английских судей, которые соотносятся с тремя типами реальности, создаваемой и моделируемой в процессе дачи показаний. В работе отмечаются некоторые национально-культурные особенности русского и английского судебного дискурса.

Ключевые слова: судебный дискурс, судья, допрос, тактики, русский, английский.

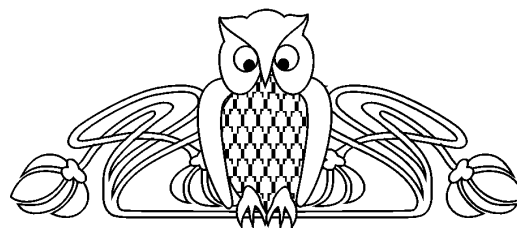
On Speech Interaction between the Judge and the Person Examined in Courtroom Examination

T.V. Dubrovskaya

In the present paper the author focuses on courtroom discourse, namely on particular characteristics of speech interaction between the judge and the person examined in the courtroom. The author points out three types of tactics in speech of Russian and English judges that correspond to three planes of reality constructed or shaped in the process of examination. Some nationally specific features of Russian and English courtroom discourse are being discussed.

Key words: courtroom discourse, judge, examination, tactics, Russian, English.

Судебный допрос является обязательным элементом гражданских и уголовных процессов как в континентальной (инквизиционной), так и в англо-американской (состязательной) судебной системе. Необходимость допроса обусловлена той ролью в осуществлении правосудия, кото-

рую он играет. Именно в ходе судебного допроса участники процесса восстанавливают события, являющиеся предметом рассмотрения в суде. Основываясь на показаниях свидетелей и той картине правонарушения, которая формируется в ходе судебных допросов, судья будет принимать решение и назначать наказание. «С полным основанием можно сказать, что именно допросы определяют решение суда по делу»,¹ – пишет отечественный исследователь судебной коммуникации А.С. Александров.

Жанр судебного допроса является комплексным жанром с несколькими участниками, каждый из которых преследует свои цели. Наибольший речевой вклад в судебный допрос делают представители обвинения и защиты в уголовных процессах, представители сторон в гражданских процессах и, безусловно, допрашиваемые, к которым мы относим свидетелей, потерпевших, экспертов. Судья считается самым немногословным участником этого жанра. Немногословность изначально характерна для судьи в состязательном судопроизводстве. По замечанию английского исследователя К. Эванса, характеризующего судебный процесс в Англии, «в состязательной системе... судья действует как беспристрастный рефери, наблюдая за тем, как адвокаты играют в некий судебный теннис. Если адвокаты хорошо знают свое дело, то по идее судья должен просидеть весь процесс, не сказав практически ничего. В давние времена в Англии новоиспеченному судье советовали взять глоток святой воды в рот в начале дела и держать его там до конца»² (перевод с английского здесь и далее мой. – Т.Д.).

Что касается типа уголовного процесса в России, то он соответствует в настоящий момент смешанной форме, сочетающей в себе элементы инквизиционного и состязательного процессов³. Для инквизиционного процесса, каким до последнего времени был отечественный уголовный процесс, характерна активная роль судьи в формировании свидетельств и установлении истины. «В ходе инквизиционного процесса скорее не обвинение и защита стараются представить различные версии событий, а судья или судьи допрашивают свидетелей и исследуют свидетельства, стремясь обнаружить правду и прийти к заключению»,⁴ – пишет Дж. Гиббонс. Однако правоведы отмечают развитие состязательности в отечественном судебном процессе. Приводя подтверждение этому, А.С. Александров пишет, что «последний этап допроса – постановка допрошенных сторонами свидетелю дополнительных вопросов председательствующим (членами суда) – не носит обязательного характера и осуществляется по усмотрению суда»⁵. Более активная роль сторон по представлению и исследованию доказательств и более пассивная роль суда закреплена законодательно в новом Уголовно-процессуальном кодексе 2001 г. (ст. 278). Сразу оговоримся, что инквизиционная функция судьи на гражданских процессах по-прежнему практически не ограничена, и судья имеет право задавать вопросы свидетелям на любом этапе допроса, что оговаривается ст. 177 Гражданского процессуального кодекса.

Мы считаем, что роль судьи ни в английском, ни в отечественном суде, особенно если говорить о гражданских процессах, не исчерпывается пассивным наблюдением за противостоянием сторон. Анализ материала показывает, что судья остается коммуникативным центром допроса, выступает в качестве посредника между участниками жанра и сам вступает в речевое взаимодействие с ними, в том числе с допрашиваемым. Далее мы рассмотрим, какие коммуникативные тактики используют русские и английские судьи, выстраивая речевое взаимодействие с допрашиваемыми, каким образом эти тактики влияют на ход судебного процесса и в чем состоит национально-культурная специфика судебной коммуникации.

В качестве материала мы использовали стенограммы русских и английских судебных заседаний по гражданским и уголовным делам (1999–2001 гг.), а также ручные записи, сделанные нами в 2007–2009 гг. на судебных заседаниях по уголовным делам в Центральном криминальном суде Англии и одном из районных судов г. Пензы.

Нам представляется, что все тактики в речи судьи, направленные на допрашиваемого, можно разделить на три группы в зависимости от типа той реальности, которую они воссоздают или моделируют. Согласно Дж. Гиббонсу, в ходе судебного процесса взаимодействуют три реальности: первичная, т.е. непосредственная реальность зала

суда; вторичная, т.е. события, послужившие причиной судебного процесса; реальность третьего типа – собственно сфера закона⁶.

I. Тактики первого типа направлены на регулирование ситуации в зале суда. Они обеспечивают соблюдение норм поведения и стандартных процедур в ходе допроса. Поскольку допрашиваемые – это люди в основном далекие от правовой сферы, судьям приходится инструктировать их гораздо чаще, чем профессиональных участников процесса.

Судья начинает допрос свидетеля с краткой информации по процедуре:

(1) Судья: Теперь переходим к допросу свидетеля. Паспорт, пожалуйста, ваш.... Называйте правильно вашу фамилию, имя, отчество. Вы допрашиваетесь по делу в качестве свидетеля. Вы несете уголовную ответственность за дачу ложных показаний и за отказ от дачи показаний, должны говорить только правду. Подойдите, распишитесь.... Скажите нам, где вы работаете?

Высказывание является наглядным образцом проявления власти в речи. Формы глаголов «допрашивается», «несете» представляют информацию как факт, не подлежащий обсуждению. Модальная конструкция «должны говорить» приписывает свидетелю определенные обязанности. Посредством императивов «называйте», «подойдите», «распишитесь», «скажите» судья дает пошаговые инструкции.

Английский судья после допроса свидетелей напоминает им о необходимости сохранять тайну и запрете обсуждать дело с кем-либо без разрешения судьи:

(2) Judge: Yes. Mrs. Woodruff, I am sure I don't need to tell you this but forgive me if I just remind you that whilst you are giving your evidence you must not talk about any aspect of this case or any aspect of your evidence to anybody at all unless I give you permission to do so. Only I can give permission. I am sure you understand that.

Эксплицитно выраженный запрет «must not talk» (не должны говорить), «unless I give you permission» (без моего разрешения) отчасти смягчается вежливым замечанием судьи «I don't need to tell you» (нет необходимости говорить вам) и извинением «forgive me» (простите меня). Эти формального плана смягчения не снижают общей категоричности высказывания, завершающегося однозначным указанием судьи на свою власть «Only I can give permission» (Только я могу дать разрешение).

Никто, кроме судьи, не может разрешить свидетелю покинуть зал суда. Инструкции, касающиеся этого рабочего момента, встречаются и в русском, и в английском материале:

(3) Судья: У Вас нет больше вопросов к свидетелю? Все, спасибо. Вы уже можете присесть или идти домой;

(4) Judge: Thank you very much, Mrs. Woodruff. You are free to go and that will apply to all witnesses unless I give a specific direction to the contrary.

Оба высказывания содержат благодарность в адрес свидетеля, но английская инструкция с использованием формальной лексики «will apply» (применимо), «specific direction» (особые распоряжения), «to the contrary» (об обратном) звучит более формально.

Судье приходится касаться самых простых вопросов технического характера при общении со свидетелями. В нашем материале есть примеры того, что судьи просят свидетелей говорить громче. Недостаточная громкость голоса во время судебной коммуникации может рассматриваться как определенное нарушение, поскольку это мешает нормальному ходу процесса.

(5) *Свидетель дает показания.*

Судья: Давайте громче;

(6) *Judge: I am very sorry but your voice is perhaps understandably going away somewhat. Do you think — Witness: Some peppermint oil tablets.*

Judge: Go over it again. Peppermint oil?

Обращает на себя внимание языковое воплощение судебных распоряжений. Если русский судья дает указание в достаточно резкой императивной форме, то английский делает замечание в косвенной форме и использует несколько средств вежливости для смягчения своего комментария: «I am sorry» (извините), «perhaps» (возможно), «understandably» (по понятной причине), «somewhat» (каким-то образом). Только затем судья обращается к свидетелю с просьбой, сформулированной в виде вопроса, повторить сказанное.

Судья вмешивается в ход допроса, если речевое поведение свидетеля не соответствует его роли в суде. Так, свидетель может только отвечать на вопросы, но не задавать их. В примере (7) это правило нарушается, и судья напоминает свидетелю о его обязанностях:

(7) *Адвокат: ...Т.е. вы считаете, что приемлемо заменять зависимость от наркотиков на православную, но не приемлемо на неоиндустриальную, или как?*

Свидетель: А вы как-то сталкивались с системой самого Маршака?

Адвокат: Нет, не сталкивался.

Судья: Отвечайте, отвечайте на вопрос.

Кроме процессуальных ошибок, которые можно отчасти объяснить незнанием процедуры, дающие показания участники процесса совершают и грубые ошибки неязыкового характера, нарушая общепринятые нормы поведения. Такие ситуации распространены в отечественном суде, и судьи корректируют поведение свидетелей. Общая низкая культура непрофессиональных участников процесса приводит к тому, что звонки на сотовые телефоны во время процесса – отнюдь не редкость, несмотря на устное распоряжение судьи в начале слушания отключить сотовые телефоны.

(8) *Во время допроса свидетеля у него в кармане звонит телефон.*

Судья: Телефон у кого-то? Чей? Отключите. Распоряжение отключить телефон может со-

провождаться предупреждением о последствиях неподчинения суду:

(9) *Судья: Отключите телефоны вообще все. Щас конфискую.*

В английском материале подобные ситуации не встречаются, возможно, в силу того, что проносить в зал суда любые технические средства, в том числе сотовые телефоны, запрещено.

Осуществление контроля над поведением допрашиваемого может сопровождаться эксплицитной ссылкой судьи на собственную власть, что указывает на легитимность предъявляемых к свидетелю требований и служит аргументом в их пользу:

(10) *Свидетель вышел давать показания и жуёт жевательную резинку.*

Судья: Смирнов, перестаньте жевать. Это общественное место. И это – суд, одна из ветвей власти. Представьте, что перед Вами Президент Российской Федерации. Вы же не будете перед ним жевать. Суд тоже власть. Чтоб не проглотить, выплюньте.

Судья дважды указывает свидетелю на деликт («жевать»), дважды ссылается на то, что суд – это институт власти, и два раза дает указание прекратить нарушать порядок («перестаньте», «выплюньте»).

II. Тактики второго типа направлены непосредственно на свидетельские показания, главным образом, на их содержательную сторону. Традиционно считается, что ключевой фигурой, влияющей на формирование свидетельских показаний, является ведущий допрос обвинитель или защитник. Наши наблюдения, однако, показывают, что судья использует целый ряд тактик, влияющих на ход дачи показаний. Контролируя временные рамки высказываний, судья может ограничиваться краткими репликами, чтобы сигнализировать о понимании и сделать процесс более динамичным: «Поняла. Дальше, пожалуйста», «Дальше», «Достаточно». В следующем примере судья ставит свидетелю на вид недостаточно экономичные формулировки:

(11) *Свидетель: ...Они расхваливают себя в нравственном смысле, это не христианская черта.*

Судья: Хвалят себя. Все, поняла. Вы так много говорите, а в результате можно было сказать одним словом.

Английский судья ограничивает время обсуждения свидетелем одного из вопросов, ссылаясь на то, что часть информации содержится в письменных показаниях:

(12) *Judge: I just want to get the full picture. I do not want you to spend very long on this, but you deal with this in your report, do you not, at some length?*

Witness: In detail, yes.

Поставленные судьей временные рамки не могут не влиять на общий смысл и содержание свидетельских показаний. Возникает вопрос, не лишается ли свидетель возможности высказать все, что считает нужным, не ограничивает ли судья таким образом свободу свидетеля. На

наш взгляд, стремление судьи к экономии не отрицает его внимания к содержательной стороне показаний допрашиваемого, что проявляется в использовании им ряда тактик, определяющих если не смысл, то общее направление показаний. Очерчивание судьей общего круга тем необходимо, если свидетель чувствует себя неуверенно или растерянно, а круг вопросов, требующих обсуждения, достаточно широк. В следующем примере судья перечисляет пункты, по которым необходимы свидетельские показания, поскольку именно эти пункты лежат в основе обвинений, предъявляемых прокуратурой:

(13) Судья: ...*Вот вы были Свидетелем Иеговы. И нам расскажите, на сегодня ставится вопрос о ликвидации этой общины, в связи с тем, первое, что они понуждают, разжигают религиозную рознь, что они разрушают семью, что они склоняют к самоубийству и т.д. Вот на эти вопросы нам и отвечайте.*

Судья возвращает свидетеля к обсуждению затронутой темы, когда тот меняет направление показаний:

(14) Судья: *Вы опять уходите. Изоляция от общества. Расскажите, пожалуйста.*

Интересной нам показалась следующая ситуация в английском суде, когда судья возвращает свидетеля к высказанному ранее стороной истца предположению, которое свидетель оставил без внимания:

(15) Judge: *Whilst I am asking you questions, I am not sure you have really responded to the suggestion that was implicitly being put to you by Mr Irving which is that these objects that one can see on the roof of the gas chamber, alleged gas chamber, are, in fact, drums containing some sort of sealant. You have not actually dealt with that suggestion.*

Witness: *No, and I would like to deal with that, if it is possible?*

Важно отметить, что судья избегает прямого вопроса и использует утверждение «You have not actually dealt with that suggestion» (На самом деле вы не рассмотрели это предположение), чтобы побудить свидетеля дать показания. Свидетель правильно распознает коммуникативные намерения судьи и выражает свое желание обсудить вопрос («I would like to deal with that» – Я бы хотел обратиться к этому).

Очерчивание судьей круга интересующих вопросов – это одно из проявлений принципа релевантности, актуального для судебного процесса в целом. Не имеющая отношения к делу информация сразу отбрасывается. Эксплицитно выраженные требования соблюдения принципа релевантности не редки в обращении судей к допрашиваемым:

(16) Судья: *Многим наркоманам помогли?*

Свидетель: *Ну, как сказать, порядка там 20 человек, которые достаточно долго употребляли достаточно разные наркотики и тяжелые наркотики.*

Судья: *Хорошо, это к нам не имеет отношения.*

Поскольку принятие судьей решения по делу основывается на анализе изложенных фактов, требование от допрашиваемых конкретной четко изложенной фактической информации является одной из ключевых судебных тактик. Именно факты из свидетельских показаний будут использоваться судьей в дальнейшем для аргументации решения и приговора по делу. Чем более точную информацию получит судья, тем меньше вероятность того, что он домыслит некоторые детали, пропуская картину правонарушения через призму собственного видения.

Побуждение свидетеля предоставить суду конкретную информацию может быть выражено как вопросом (примеры (17), (18)), так и императивной конструкцией (примеры (19), (20)):

(17) Судья: *Ну, конкретно, о чем Вы говорите?*

(18) Судья: *А Вы можете нам сказать конкретно?*

(19) Свидетель: *Я знаю проблемы этих историй...*

Судья: *Как таковой проблемы нам здесь не нужно. Вы говорите общие слова. Проблема понятна. Скажите конкретно, Вы знаете, к чему это привело?*

(20) Judge: *Yes, make your point on this because I have not understood it yet.*

Процесс конкретизации фактической информации происходит и в тех случаях, когда судья обращается к допрашиваемым за уточнениями. Тактика уточнения информации может быть отмечена соответствующими метатекстовыми маркерами:

(21) Судья: *Давайте рассказывайте. Как Ваша рабочая ночь проходила?*

Свидетель: *Они звонят.*

Судья: *Они – это кто? Давайте сразу уточняйте;*

(22) Судья: *Давайте уточним. Вы машину продали без двери? И дверь продали уже?*

(23) Свидетель: *...Ну скажем, ... там ... взять ... там конкретных людей ... там, то я видел, скажем, мальчика одного, который посещал собрания, которого родители приходили и когда приходили в Центр, ему еще не было тогда 18 лет. Вот. Он был вовлечен в эту организацию.*

Судья: *То есть на собраниях вы видели несовершеннолетних?*

Свидетель: *На собраниях тоже видел;*

(24) Judge: *Professor van Pelt, can I just make sure I have understood it, that when you say that these show the projections, whatever they may have been, you are talking about – can you see – that smudge there, that smudge there, that smudge there?*

Несмотря на общую для примеров (21) – (24) интенцию уточнения, высказывания построены по-разному с языковой точки зрения. В примере (21) судья использует императивную конструкцию, направленную на свидетеля, на которого возлагается ответственность за недостаточную четкость и от которого судья дистанцируется; пример (22) содержит инклюзивную конструкцию, указывающую на

вовлеченность судьи в процесс уточнения и его совместную деятельность со свидетелем; в примере (24) английский судья, обращаясь за уточнением, берет ответственность за непонимание на себя («Могу ли я убедиться, что правильно понял...»).

По нашим наблюдениям, английские судьи склонны формулировать запросы уточнений в виде альтернативных вопросов. Рассматривая фотографии, представленные экспертом, судья уточняет дату:

(25) *Judge: That's 19 or 18?*

В следующем фрагменте внимание судьи к деталям и уточняющий альтернативный вопрос «*She was in or going?*» (Она была там или направлялась туда?) побуждает свидетеля изменить показания. На первоначальный вопрос обвинителя он отвечает: «Он сказал, что она в Гримсби», но на уточняющий вопрос судьи ответ звучит как «Направлялась в Гримсби». Такой поворот заставляет прокурора уточнить показания еще раз, и на этот раз свидетель подтверждает сказанное судье:

(26) *Prosecutor: Did you know where she was?*

Witness: He said she was in Grimsby.

Judge: She was in or going?

Witness: Going to Grimsby.

Prosecutor: She was going to Grimsby?

Witness: Yes.

Видим, что уточняющие вопросы судьи, даже минимальные по объему, влияют на содержание фактической информации, аккумулируемой в деле и определяющей решение по нему.

Вмешательство судьи в ход допроса может носить более выраженный характер. В нашем материале отечественных судебных заседаний есть примеры того, как речевая инициатива полностью перехватывается судьей. В одном случае судья, перебив прокурора, задает один за другим 14 вопросов, уточняя информацию, поступающую от свидетеля. В таких случаях тактика уточнения информации в речи судьи может идти вразрез с намерениями ведущего допрос, и тогда последний адаптируется и подстраивается под судью, видоизменяя линию допроса.

Слушая показания допрашиваемых, судьи не могут не обращать внимания на языковую сторону свидетельских показаний, на то, как допрашиваемые формулируют свои показания. Претензии судьи, конечно, касаются не эстетической стороны высказываний, а тех качеств формулировок, которые влияют на воссоздание реальности второго плана, т.е. событий вне зала суда. В примере (27) судья просит свидетеля высказываться яснее:

(27) *Свидетель: Организация говорит конкретно, что... литература христианская разделена на два, на две половины. Это стол духовной пищи. Одна половина – это стол, пища от Иеговы Бога, все, что относится, не относится к... публикациям организации – это стол сатаны и к нему нельзя прикасаться.*

Судья: То есть отрицается... Вы говорите

попонятней. Отрицается художественная литература, я Вас правильно поняла?

Свидетель: Художественная нет.

В другой ситуации судья не может принять те категории (большое/ маленькое чувство стыда), которыми оперирует свидетель, и вынуждена вмешаться, чтобы побудить свидетеля к изложению фактов, а не собственных субъективных оценок:

(28) *Свидетель: Его не лишают общения, но сам человек чувствует, как бы вот... т.е. психологически он получает, т.е. чувствует некий стыд...*

Адвокат: Моральную обязанность посещать...

Судья: А христианин разве не будет чувствовать? Ну не пошел он один раз, два раза, у него нет этого чувства?

Свидетель: Я думаю, у него не возникнет такого большого чувства стыда, если скажем...

Судья: Вы знаете большое, маленькое... Я вас умоляю... большое, маленькое. Откуда вы взяли, что возникает чувство стыда у Свидетелей Иеговы? Откуда вы это берете?

В числе тактик, направленных на получение точных свидетельских показаний, назовем также тактику подталкивания свидетеля к умозаключениям и выводам, которые он может сделать из своих же собственных показаний. Судья задает вопросы, побуждающие допрашиваемого к логическому завершению мысли:

(29) *Судья: В «Сторожевой башне» написано 40 тысяч. У бывшего руководителя – 67 тысяч. Вы говорите, что в эту цифру входят... Да, есть же те, которые действительно выведены из общества вот за те вещи, которые вы перечисляли, правильно? Но есть те, которые вышли по своему желанию, ну и что из этого?*

Обращаясь к эксперту-криминалисту, английский судья уточняет, что тот обнаружил на стене и каковы версии:

(30) *Judge: What have you found on that wall? What are the options?*

Отметим, что постановка таких вопросов не означает, что за ними последуют удовлетворительные ответы, если только на вопрос не отвечает свидетель-эксперт, в чьи профессиональные обязанности входит представление соответствующих заключений на основе фактов. Тактику побуждения свидетеля к выводам следует отметить как еще одно средство формирования фактической базы, необходимой для принятия решения судьей.

Наконец, прямые запросы информации от свидетелей встречаются в речи как русских, так и английских судей. Выполнение до последнего времени русскими судьями инквизиционной функции накладывает отпечаток на их речевое поведение в настоящее время. Сформированное представление судей о своей роли на процессе приводит к тому, что судьи перехватывают инициативу в процессе сбора фактов и частично выполняют таким образом обязанности сторон. Выясняя обстоятельства дела по организации фирмы, предоставляющей интим-

ные услуги, судья задает свидетельнице целый ряд вопросов: «Сколько работали? Что в феврале случилось? Кому идея принадлежала? Каким образом заказы распределялись? У кого телефоны были? Она знала, что Вы несовершеннолетняя? Кто хозяин конторы? Давайте поподробнее про распорядок дня. Кто разговор ведет? Деньги когда отдаются? Квартира кем оплачивалась? Водителя кто оплачивал?» и т.д. Нами зафиксированы случаи, когда судья проводил настолько подробный допрос свидетеля до начала допроса его сторонами, что со стороны обвинения и защиты вопросов практически не было.

Как мы уже отмечали выше, запросы фактической информации встречаются в речи и английских судей:

(31) *Witness: They are labelled here, and of course they were not labelled at the time, as the Zyklon-B introduction openings.*

Judge: Who did the labelling?

Witness. In the final publication of Olère's drawings I think they were done by Klarsfeld or somebody who was working with Klarsfeld.

Judge: Did Olère survive?

Witness: Olère survived, yes. He survived and he was very far from Poland when Tauber gave his testimony.

Однако в нашем материале нет примеров продолжительного участия английского судьи в допросе свидетеля. И наоборот, есть значительное количество примеров того, что судья хранит полное молчание и ограничивается краткой благодарностью в адрес свидетеля. В этом плане нам представляется показательной ситуация, когда судья спрашивает у допрашиваемого разрешения задать вопрос и обещает больше не вмешиваться:

(32) *Judge: Can I just ask one question and then I will stop? How do you date this photograph as February '43?*

III. Тактики третьего типа в речи судьи при его общении с допрашиваемыми связаны с толкованием юридических, правовых аспектов происходящего и наиболее ярко характеризуют судью как представителя судебной власти, который не только наделен правом руководить судебным процессом, в частности допросом, но и обладает юридическими знаниями, пониманием права, необходимыми для осуществления руководства. Именно судья, используя средства языка, не только воссоздает в зале суда реальность права, но и служит посредником между ней и непрофессиональными участниками допроса, помогая им ориентироваться в незнакомой реальности.

Вопрос о необходимости пояснений юридического характера встает перед судьей чаще всего в случае, если свидетель близок к тому, чтобы нарушить важные правовые принципы, положения. Так, судья объясняет свидетелю принципы судебного процесса, когда тот собирается использовать письменные материалы в ходе дачи показаний:

(33) *Свидетель: Ну, во-первых, я хотел бы сказать, что...*

Судья: Что это перед вами?

Свидетель: Это мои материалы, которые я хотел бы, к которым я хотел бы обращаться.

Судья: Нет, уважаемый, вы ведь свидетель. Я вам делаю замечание в этом плане. Вы можете смотреть, если даты какие-то, если цифры какие-то, пожалуйста.

Свидетель: Цитаты можно?

Судья: Ну, цитаты, если есть такая необходимость, конечно, естественно. А так вы непосредственно все говорите...

Свидетель: Все, хорошо. Я просто не знал.

Судья: ... все свои показания, устно, непосредственно – это принцип судебного процесса.

Судья аргументирует свое замечание скрытой ссылкой на текст Гражданского процессуального кодекса, в котором сформулированы основные принципы судебного разбирательства – непосредственность, устность, непрерывность.

От участников судебной коммуникации требуется правовое понимание многих аспектов происходящего и уже случившегося. Непрофессиональные участники допроса не всегда готовы к правовому восприятию реальности, и судья оказывается тем участником процесса, который «посвящает» допрашиваемых в мир права, дает ориентиры для успешного выполнения ими своих функций в ходе допроса.

В примере (34) после вопроса прокурора, считает ли потерпевший значительным причиненный ему ущерб, судья считает необходимым объяснить потерпевшему, что понимается под значительным ущербом в зале суда:

(34) *Судья: Я Вам объясню, что это категория оценочная. То есть Вы были поставлены в затруднительное положение, Вам нечего было есть, негде было спать.*

Отметим, что в данном случае смысловое наполнение правовой категории объясняется доступным языком на примере жизненных обстоятельств. Подобным образом судья объясняет потерпевшему смысл своего вопроса о долговых обязательствах:

(35) *Судья: Долговые обязательства повлияют на Ваши показания? Правду будете нам говорить или соврете?*

В подобных ситуациях мы можем наблюдать трансформацию «правовая категория → жизненные обстоятельства», которая осуществляется в речи судьи с той целью, чтобы допрашиваемый правильно понял, о чем идет речь, и правильно оценил обстоятельства с точки зрения права. Направление трансформации может быть обратным, когда обыденные обстоятельства получают правовое толкование в виде категорий и квалификаций: «жизненные обстоятельства → правовая категория». Так, к примеру, заслушав показания свидетеля, который купил краденую автомобильную дверь, предварительно обсудив возможность такой покупки с преступниками, судья дает юридическую оценку его действиям:

(36) Судья: *Это называется подстрекательством к совершению преступления. Да, Храмкин? (апелляция к подсудимому. – Т.Д.) Это причина, способствующая совершению преступления. Если бы Вы не согласились купить дверь, он бы не совершил преступление и не сидел на скамье подсудимых.*

Очень показательной нам представляется следующая, совсем короткая, ситуация, в которой судья явно дает понять потерпевшему, что тот, подав заявление о краже, ступил на территорию, где он уже не может действовать по своему усмотрению, а должен следовать определенным правилам, установленным законодательством:

(37) Потерпевший: *Я хотел забрать (заявление. – Т.Д.).*

Судья: *Здесь такого не может быть. Дал, забрал...*

Процесс «посвящения» в правовую реальность может быть только однонаправленным, где судья, знаток этой реальности, оказывает необходимую поддержку допрашиваемым. Ситуации, в которых по какой-либо причине происходит обратное и свидетель пытается дать комментарии правового характера, вызывают неприятие судьи и им пресекаются:

(38) Судья: *...Вот, вовлечение несовершеннолетних. Что вы имеете в виду?*

Свидетель: *Вовлечение тех людей, которые не достигли 18 лет.*

Судья: *Я поняла. Что вы имеете в виду? Я поняла, кому нет 18 лет – это суду объяснять не надо. Что вы под этим имеете в виду?*

Свидетель: *Ну то, что как бы проповедуется тем лицам, которые... то есть, вовлекаются лица в организацию, которые... не достигли совершеннолетия.*

Свидетель, неправильно поняв вопрос судьи, обращается не к известным ему фактам, а к толкованию понятия «несовершеннолетний», что не только является излишним, но и нарушает распределение ролей в зале суда – посредником между правовой реальностью и реальностью судебного заседания является судья, а не допрашиваемый.

Пример английского дискурса иллюстрирует иную ситуацию, в которой истец, ведущий допрос, не берет на себя ответственность объяснять свидетелю, в чем состоит «бремя доказывания» в процессе о клевете, и отсылает его к судье:

(39) Claimant: *Professor van Pelt, I think that his Lordship will educate you as to the burden of proof in an English defamation action.*

Judge: *I am not sure that is really quite right. If you are not saying that these are fakes, and I think you just told me that you were not putting forward that positive case, then it does not seem to me that it is necessary for this witness to refer to the expert analysis at all. But, if you are saying it is a forgery or has been tampered with in some way, then it may be that we do need to see what the expert said.*

Судья, однако, не принимает сторону истца в данном вопросе и подробно объясняет, в каком

случае необходимо заключение эксперта. Судья, который отлично знает право и, безусловно, уверен в своих словах, начинает высказывание с типично английской формулы вежливости «I am not sure that is really quite right» (Я не уверен, что это действительно правильно). Использование формул вежливости характерно для речи английских судей. В другой ситуации судья сначала применяет достаточно резкую формулировку «Вы не правы», убеждая свидетеля в том, что тот обязан дать некоторые объяснения, и затем в вежливой вопросительной форме просит помочь истцу, т.е. сделать то, что свидетель сделать просто обязан и в чем отказать не имеет права:

(40) Judge: *Professor, actually I think you are wrong on this point because you have accepted there is such a photograph. You have seen it. Can you not help Mr Irving – he obviously has not got the photograph – by giving the explanation that you obviously have?*

Отведенная допрашиваемому роль предполагает, что проявление любой речевой инициативы должно обязательно подкрепляться разрешением судьи. Допрашиваемые в основном осознают это и обращаются к судье за санкцией на совершение определенных действий (пример (41)), на обсуждение некоторых тем (пример (42)):

(41) Свидетель: *...Организация, зная что образование отнимает много времени, она воспитывает всякое пренебрежение к образованию. Это есть цитаты в «Сторожевой башне». Их нельзя прочитать?*

Судья: *Пожалуйста.*

(42) Свидетель: *Может быть, я еще насчет работы?*

Судья: *Ну, пожалуйста, конечно.*

Таким образом, выделенные нами три группы тактик в общении судьи с допрашиваемыми направлены на создание трех типов реальности, которые переплетаются и взаимодействуют в ходе допроса. Первичная реальность, реальность судебного процесса, создается и поддерживается тактиками, направленными на соблюдение правил поведения в суде и выполнение участниками процесса предписанных ролей. Тактики, способствующие эффективности допроса и касающиеся содержательного аспекта показаний, помогают воссоздать вторичную реальность, то есть события, являющиеся предметом судебного процесса. Кроме того, в ходе допроса происходит обращение к реальности третьего, самого абстрактного, уровня – правовой реальности. Эта реальность принимает менее абстрактные и более доступные для понимания формы в коммуникативных тактиках судьи, целью которых является разъяснить допрашиваемому правовые аспекты ситуации и таким образом обеспечить его осознанное отношение к событиям вторичной реальности. Используя тактики третьего типа, судья выступает в качестве посредника между правом как особым миром, требующим особого понимания, и допрашиваемым. Инициатива допрашиваемого значительно ограничена, и для ее реализации требуется санкция

судьи. Мы считаем возможным отметить некоторые национально-специфические особенности речи русских и английских судей. В речи отечественных служащих Фемиды явно просматривается «инквизиционное наследие», стремление установить факты, не полагаясь на вопросы к свидетелю со стороны обвинения и защиты. Выполнение инквизиционной функции в ряде случаев имеет ярко выраженный характер и приводит к нарушениям процедуры. Английские судьи, наоборот, делают запросы фактической информации только по необходимости, осознавая, что сбор фактов не является их обязанностью.

УДК 811.161.1-373.613

ИНОЯЗЫЧНОЕ СЛОВО В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ НОСИТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА

Т.С. Пичхидзе

Саратовский государственный медицинский университет
E-mail: tpichkhidze@yahoo.com

В статье на материале результатов проведенного ассоциативного эксперимента освещаются особенности вербальной реконцептуализации и закрепления образа заимствованного слова в общественном сознании современных носителей русского языка.

Ключевые слова: заимствование, англицизм, языковое сознание, массовая коммуникация, восприятие, ассоциативная связь.

Loan-word in Language Consciousness of Russian Native Speakers

T.S. Pichkhidze

Based on the data of linguistic experiment, the article examines the peculiarities of the verbal reconceptualization and fixation of the loan-word image in the public consciousness of native speakers of Russian today.

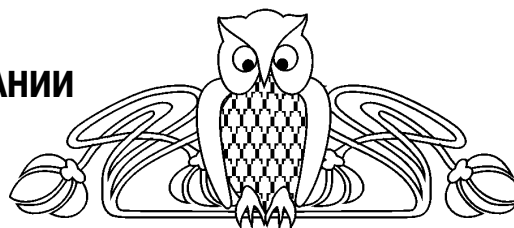
Key words: loan-word, anglicism, linguistic consciousness, mass communication, perception, associative relation.

Возникшая в последнее время ситуация глобальной диффузии англоязычной культуры и всплеск англоязычных заимствований как следствие этого процесса не только оказывают влияние на словарный состав русского литературного языка, но и в значительной мере стремятся определять языковое сознание носителей русского языка.

В трудах ведущих отечественных ученых-лингвистов (Ю.С. Степанов, С.Г. Тер-Минасова, В.Г. Костомаров, Е.М. Верещагин, Н.Д. Арутюнова, Ю.Н. Караулов, Е.С. Кубрякова, Ю.А. Сорокин, И.А. Стернин, Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева, В.И. Карасик, В.В. Красных, В.З. Панфилов и др.) высказывались мысли, что развитие и изменение языка определяются мышлением его носителя, особенностями его познавательной

Примечания

- ¹ Александров А.С. Введение в судебную лингвистику. Н. Новгород, 2003. С. 317.
- ² Evans K. Advocacy in Court. A Beginner's Guide. Oxford University Press, 1995. С. 89–90.
- ³ Григорьев В.Н. Уголовный процесс. М., 2006. С. 17.
- ⁴ Gibbons J. Forensic Linguistics. An Introduction to Language in the Justice System. Blackwell Publishing, 2005. С. 4.
- ⁵ Александров А.С. Указ. соч. С. 294.
- ⁶ Gibbons J. Op. cit. С. 119.

деятельности, связанной с различными географическими, историческими, социальными и другими факторами.

Подобная интерпретация конкретного языкового сознания позволяла говорить о специфике национального способа формирования и формулирования мысли, скрытого в особенностях познавательной деятельности носителей языка, а также о характерном отношении национального лингвокультурного социума к своему языковому достоянию.

Согласно филологической традиции, языковое сознание понимается не только как средоточие проявляющихся на разных уровнях языковых навыков, но и в более широком контексте, как некий конгломерат знаний (в том числе оценочных по отношению к своему языковому наследству), представленный в масштабе языкового коллектива, осознающего свою целостность и идентичность благодаря единому языку¹. Таким образом, в лингвистических работах последнего десятилетия языковое сознание трактуется, с одной стороны, как бессознательно проявляющийся языковой опыт (языковая компетенция) носителя, а с другой – как его эмоционально-оценочное и научное осмысление (рефлексия) при помощи некоего инструментария специальных приемов.

Целью данной статьи является исследование механизмов вербальной реконцептуализации и закрепления образа заимствованного слова в общественном сознании современных носителей русского языка. Исследование проводится на основе выявления специфики использования заимствованных из английского языка слов в российском медиадискурсе.